любовь и исполнила народное желание: взошла на престол. Она сознавала, что идет на большой риск; в манифесте она так говорит о действиях против Петра III: «отдали себя или на жертву за любезное отечество, которое от нас то себе заслужило, или на избавление его от мятежа и крайнего кровопролития».[1] Но она не могла не пойти на этот риск, потому что, будучи «великодушной», им отвечала на «любовь» «народа», или «отечества», к себе. Она так говорит об этом в манифесте: «..Божиим подкреплением на такой страх поступили, каковаго только от нашего великодушия отечество наше за любовь его к нам требовать могло».[2]

Так она освящает переворот любовью к себе народа, но она привлекает и другой авторитет — покойную императрицу Елизавету — и, в явную противоположность неблагодарному и презрительному отношению к ней Петра III, так изображает свое к ней и ее к себе отношение: «..наше к крови ее присвоенное сродство и истинное к ней усердие, так как и ее к нам чрезвычайная любовь»...[3]

Так, оправдав свое дело с обеих сторон, Екатерина дает понять, что она никоим образом не торопилась занять престол. Мимоходом она прямо определяет свое поведение как терпеливое: «видев наше терпеливое в гонении сердце», бросает манифест от 6 июля, рассказывая о том, как Екатерину, уговаривая на переворот, предупреждали о грозящей опасности.[4]

Но оправдав и освятив свой переворот, Екатерина замечает: «Таковым, Богу благодарение, действием престол самодержавный нашего любезного отечества приняли мы на себя без всякого кровопролития, но Бог един и любезное наше отечество чрез избранных своих нам помогали».[5] Получается впечатление, что она приписывает победу переворота себе, а Богу и отечеству отводит на долю гораздо более скромную роль — просто лишь помощь себе, победительнице. То есть хочет сказать в заключение рассказа о перевороте, что на престол взошла сама собою, своим риском, своим вооруженным восстанием.

---

1 «Осмнадцатый век», IV, стр. 220.
2 Там же.
3 Там же, IV, стр. 218.
4 Там же, IV, стр. 219.
5 Там же, IV, стр. 222.